свойственным своим прогрессом породило бы в себе столько внутренней борьбы, что уничтожило бы себя. Заключая рассуждения о феномене власти, подытожим, что феномен власти в человеческом обществе в процессе своей трансформации утвердительно сохраняет вечность, двойственность, и жизненную необходимость для всякого человеческого сообщества и каждой человеческой личности.

Литература

1. *Виноградов В.Д., Головин Н.А.* Политическая социология. СПб., 1997. 174 с.
2. *Мшвениерадзе В.В., Кравченко И.П., Осипова Е.В.* Власть: Очерки современной политической философии Запада. – М.: Наука, 1989. 328 с.
3. *Lukes S.* Power: A Radical View. Londres, 1974. p. 25.
4. *Беспалова А.А., Лубский А.В., Лубский Р.А.* «Человек политический» и «человек экономический»: ментальные программы и модели социального поведения в России // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 72-78.
5. *Волков Ю.Г.* Социология будущего: подходы, поиски, проблемы // Гуманитарий Юга России 2016. Т. 21. № 5. С. 14-30.

Zhukov Vladimir Andreevich, Doctor of Economics, professor, head of the department of the economic and social theory, Rostov state medical university (Suvorov St., 19/Krepostnoy Lanes, 80, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru

THE TRANSFORMATION OF THE PHENOMENON OF POWER IN HUMAN SOCIETY

This article analyzes the process of power transformation in human society as a unique socio-cultural and political phenomenon, is the generation and creation of man and society. Power, discussed in this article in this perspective, appears as something "omnipresent" and at the same time fundamentally multiple, have a dual nature, what is expressed in the phenomenological aspect, the analysis of transformation which are necessary for understanding the relations of power in the variety of their manifestations, in their "dissolved", constituerunt in the social space and in close connection with certain discursive practices.
Keywords*: power, dominance, submission, society, duality.*

УДК 323 DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-144-150

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В РАЗРАБОТКЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рябошапко Олеся Николаевна адъюнкт по кафедре философии и социологии, Краснодарский университет МВД России (350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославского, 128). E-mail: fil_krdu@mvd.ru

Чапурко Татьяна Михайловна доктор политических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославского, 128). E-mail: chapurko@mail.ru

Аннотация

В статье авторами исследуются вопросы наличия политических процессов с участием российских граждан в разработке нормативно-правовой информации, а также рассматриваются перспективы реализации такого участия в общественной деятельности.

Ключевые слова: *политические процессы, участие граждан России, нормотворчество, законодательная политика государства.*

Стране остро нужны ресурсы и реформы, направленные на внутреннее развитие и качество законодательства важный фактор развития. Если мы хотим понять специфику расширения участия граждан в процессах нормотворчества в современной России, то, прежде всего, необходимо понять политику государства в рассматриваемой сфере и детерминанты способствующие, а также латентно препятствующие новым демократическим практикам.

Вместе с тем, граждане России – не единственные акторы, привлекаемые к экспертизе законопроектов. К примеру, Счетная палата Российской Федерации на регулярной основе проводит экспертизу законопроектов и различных нормативных правовых актов. При принятии законопроекта или внесении в него изменений аудиторы просчитывают все возможные бюджетные риски его дальнейшего исполнения.

В рамках идеальной политической модели инициаторы проектов общественного участия, создавая экспертно-консультативную среду, тем самым не ограничивают политические практики, а культивируют условия, значимые для расширения возможностей общественного участия. Только при таком векторе политического развития, ныне считающиеся политически пассивными, российские граждане, в конечном счете, станут проявлять гражданскую ответственность и в процессе анализа вынесенных на общественное обсуждение проектам нормативных актов придут к взвешенным решениям.

Проблема участия различных акторов в законотворческой деятельности весьма актуальна, о чем свидетельствуют многочисленные официальные документы. Так, к примеру, постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2017 года № 813 [1], в котором сделана новая попытка оптимизировать участие федеральной исполнительной власти в законотворческой деятельности. Согласование проектов федеральных законов будет впредь в обязательном порядке осуществляться одновременно с проведением процедур общественного обсуждения, а также оценки регулирующего воздействия и независимой антикоррупционной экспертизы при условии их размещения в сети Интернет.

Еще приведем пример: в октябре 2017 г. Правительство Российской Федерации утвердило новый порядок разработки нормативных актов для развития высокотехнологичных рынков. Так, 4 октября 2017 г. на официальном интернет-портале правовой информации был опубликован текст постановления Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2017 года № 1184 «О порядке разработки и реализации планов мероприятий («дорожных карт») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [2].

Уже в обозримой перспективе сам процесс подготовки Правительством РФ проектов федеральных законов властные акторы намерены сделать более компактным, в рамках чего должностные лица должны будут делать простые и однозначно трактуемые в правовом отношении шаги. К примеру, согласование проектов будет вестись одновременно с процедурами общественного обсуждения, независимой антикоррупционной экспертизы, получением заключения в Экспертном совете и обязательным введением для ряда законопроектов (определенных как «общественно значимые») обязательного обсуждения в общественных советах при министерствах и ведомствах. Тем самым принимаются меры не только правового характера, но и направленные на повышение качества политической коммуникации власти и общества.

Поэтому, ведя речь о политической коммуникации, будем использовать дефиницию, предложенную отечественным исследователем С.П. Поцелуевым, а именно, «Политический диалог есть форма дискурсивно-символического обмена, обусловленного принудительными факторами политического поля (рынка) и реализующаяся на основе взаимного рефлексивного перенимания ролей, в ходе которого имеет место трансформация позиций (интересов, идентичностей) политических субъектов по мере их перехода от иерархических отношений господства-подчинения к функциональной власти по принципу командного сотрудничества» [3].

Отсутствие же политического диалога в рамках проектов общественного участия в нормотворчестве рано или поздно приводит к коммуникативным дисфункциям, при этом сами проекты становятся очень удобным прикрытием для разного рода политических спекуляций.

Профессор Массачусетского технологического института Л. Пай полагает, что «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику. Политическая жизнь в любом обществе невозможна без устоявшихся методов политической коммуникации» [4]. В свою очередь, Р.Ж. Шварценберг акцентирует внимание на многомерности определения понятия политической коммуникации: «Политическая коммуникация – это процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической и социальной системой. Идет процесс обмен информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [5]. Данный информационный обмен рассматривается нами как субъектно-субъективные взаимодействия, осуществляемые в процессе политического диалога.

Вместе с тем, с точки зрения С.В. Бондаренко, «в территориальных обществах, благодаря инструментарию мобильной коммуникации, реально появление общественных форумов, говоря иными словами, «делиберативных анклавов» (англ. – deliberative enclaves), в рамках которых наиболее активные граждане могли бы участвовать в поиске путей решения местных проблем.

Однако для формирования таких структур мало наличия мобильного технического инструментария, прежде всего, необходимы социальный запрос на коллективную выработку повестки дня и желание неформальных лидеров сообществ изменять окружающий мир» [6].

Однако на практике повышение качества политической коммуникации сталкивается с многочисленными барьерами. Даже по формальным признакам противодействие практикам участия граждан России в разработке нормативных актов может рассматриваться как нарушение их права на выражение мнения. В этом контексте, очевидно, недостаточно воспринимать политические лозунги, в соответствии с которым участие граждан в нормотворчестве должно содействовать прозрачности власти и меритократии при осуществлении управления государством.

Авторы статьи солидарны с Т.М. Пряхиной, которая считает, что «любые государственные реформы, по сути, представляют собой социальный эксперимент, последствия которого сказываются на судьбах нынешних и будущих поколений. Поэтому так важно предвидеть не только ближайшие, но и отдаленные перспективы преобразовательной деятельности»[7]. Соответственно, нужна продуманная стратегия, имеющая большое значение для понимания основных направлений развития общественной активности.

Политическая составляющая позволяет обеспечивать благоприятный фон для участия в законотворческой деятельности политических акторов и активной части населения, как акторов разделяющих разные политические взгляды по иным аспектам развития общества. Но для этого граждане должны понимать для чего им нужно участие в обсуждении нормативных актов. В приведенном тезисе заключается онтологическая сущность идеи востребованности социумом практик расширения прав граждан в вопросах разработки и совершенствования нормативного регулирования социально значимых проблем.

По мнению авторов настоящей статьи при осуществлении общественных обсуждений оптимальным мог быть стратегический алгоритм, включающий следующие три шага:

1) Изучение проекта нормативного акта, сбор позволяющих осуществить анализ данных.

2) Сотрудничество заинтересованных акторов в процессе исследования затрагиваемых нормативным актом проблем, обсуждения и контроль логических взаимосвязей предлагаемых изменений и дополнений.

3) Комплекс мер по нейтрализации лоббистского влияния на процессы общественного нормотворчества.

Предложенный выше алгоритм позволяет на практике повысить содержательные аспекты взаимодействий между организаторами обсуждений и их активными участниками. Поэтому кроме политической мотивации необходима четкая и непредвзятая работа с фактами, деятельность организаторов общественных обсуждений направленная на то, чтобы «услышать все голоса». В ином случае кризис вызовов развития общества совпадет с кризисом политических возможностей развивать в стране институты демократии. По мнению авторов, в настоящее время мы наблюдаем переход имеющегося в рассматриваемой сфере комплекса проблем в новое качество.

Опыт реализации в других странах инновационных стратегий показывает, что новые политические технологии имеют больше шансов на успех, если они принимаются будущими потребителями еще на ранних стадиях внедрения. Чем больше факторов в инновационном процессе будет учтено на всех проектных этапах, тем выше общественная поддержка политических и иных новаций [8]. Тем самым становится возможным избежать сопротивления пользователей инновациям и связанной с этим дискурсом технофобии [9] и политического консерватизма.

В рассматриваемом контексте ценность оппозиции заключается в том, что она предлагает варианты решения проблем, а не спекулирует на них. Об этом заявил Президент России Владимир Путин во время общения с воспитанниками образовательного центра «Сириус» 21 июля 2017 года. «Действующую власть всегда есть за что критиковать. Но жизнь настолько сложна и многообразна, что решить все вопросы, и решить идеальным образом, – можете мне поверить – не представляется возможным, и не представится вообще никому», – подчеркнул в итоге глава российского государства. Однако это не значит, что не нужно стремиться к устранению всех проблем, необходимо «предлагать все время свои решения». Это касается, в частности, вопроса борьбы с коррупцией. «Мало только кричать «держи вора», надо еще и самому не воровать», – заявил В.В. Путин [10]. Сказанное Президентом РФ имеет явный уклон в востребованную гражданами социальную повестку дня.

Право на критику готовящихся к принятию общественно значимых нормативных актов имеют все граждане, и чиновники обязаны прислушиваться к тем, кто адекватно выражает свое мнение, помогать активной части социума деятельно исследовать политический ландшафт,

но при этом не оказывать директивного влияния на рассматриваемые политические практики. Такая политическая позиция позволяет способствовать укреплению институтов демократии и гражданского общества.

При логически обоснованной организации функционирования техно-социального поля пользовательское участие, пользовательские взаимодействия и пользовательское вовлечение «формируют не содержащие острых углов отношения» [11]. В результате при принятии нормативных актов власть получает разумную аргументацию, позволяющую принять больше выгодные для общества решения. Соответствующий потенциал заложен в политическую ткань общественных отношений. В связи, с чем в рассматриваемом контексте Энтони Гидденс замечает, что в сложившихся структурах могут существовать «эксперты», которые знают, что и как делать. Такие эксперты и оказываются способными трансформировать структуру [12].

В настоящее время в современных западных демократиях «общая воля» не является синонимом коллективных действий граждан. Применительно к рассматриваемой проблематике речь необходимо вести об организованных «сверху вниз иерархических процедурах», в которой государственные органы и средства массовой информации действуют как посредники между правительством и общественностью.

Власть средств массовой информации в формировании повестки дня новостей такова, что общественные слушания могут превращаться после интерпретаций их ангажированными журналистами, в искаженное сообщение. В отличие от прежних СМИ, посредническая роль Интернета в демократических процессах позволяет в большей мере представлять общественный интерес и отражать разнообразные идеи. В социальных сетях могут содержаться аргументированные предупреждения о возможных дезориентациях в публичном обсуждении, возникающих как следствие лоббирования латентных акторов.

Рассматриваемые жизнеспособные практики существуют в политическом диалоге, а не в монологе и директивах со стороны государства, чем именно заниматься гражданскому обществу. В современных условиях практики нормотворчества с участием общественности могли бы стать одним из элементов нового «общественного договора» власти и общества. Но для этого необходимо было бы проработать алгоритмы политического действия и сформировать понимание возможных издержек в процессе внедрения новых для России форм политического действия.

Необходимо социально и политически сконструировать последовательность событий, которая логически приведет к желаемому состоянию политической активности граждан. К сожалению, ничего подобного в отношении феномена участие общественности в процессах нормотворчества с использованием телекоммуникационных технологий в предыдущие десятилетия в России сделано не было и даже стратегически не планировалось.

Рассматриваемая в настоящей статье идея позволяет осуществить переход к стратегии формирование новой политической среды на уровне территориальных сообществ, в которых важную роль играют социальные новаторы. Общественные обсуждения нормативных актов могли бы хорошим инструментом позиционирования социально активных граждан России в новой политической среде формирования «цифровой экономики» и «информационного общества».

Определенный оптимизм при оценке преимуществ электронного нормотворчества наблюдается в более широком институциональном и правовом контекстах. Тем не менее, актуальность интегрированной и эгалитарной общественной сферы в СМИ представляется весьма дискуссионной [13].

Цифровая общественная сфера остается высоко фрагментированной по многим причинам. Онлайновые дискуссии и форумы не всегда отличают даже минимальным коммуникативным стандартам толерантных взаимодействий, о которых вели речь теоретики делиберативной демократии [14]. Такого рода коммуникативные дисфункции могут возникать при обсуждении разных тем. Электронные платформы как техническая форма не всегда приводят к созданию стабильно функционирующих виртуальных сетевых сообществ, значимых для долговременного сотрудничества в сфере коллективной разработки проектов нормативных актов. Более того, не следует недооценивать зависимость степени вовлеченности в интернет-обсуждения от социально-экономических переменных. Таким образом, мотивационные, познавательные и образовательные барьеры переплетаются с уровнем и качеством человеческого капитала участников обсуждений [15]. В таких условиях обсуждения превращаются в разновидность «КВН» с элементами популярно-политологической публицистики.

К особенностям практик межсекторного социального взаимодействия в Российской Федерации относятся: – неформальные институты и практики социального партнерства; – приоритет

роли государства (формирование системы партнерских отношений сверху); – самоустранение государства от контроля за соблюдением равных прав сторон в системе партнерских отношений; – тема социального партнерства в трактовке современных российских политиков рассматривается как фактор обеспечения политической стабильности в большей мере, чем средство разрешения конфликтов путем переговоров и согласования интересов социальных групп [16].

Как отмечает в своей статье С.В. Бондаренко, «К концу первого десятилетия XXI века выяснилось, что регулирующие схемы с участием власти и крупного бизнеса не только не улучшили ситуацию в областях критической инфраструктуры и стандартов информационной безопасности, но и создали новые риски. Правящие элиты завысили свои возможности противостоять нападениям, недооценило важность формирования информационной культуры пользователей, не говоря уже о значимости гражданского общества для развития цифровой экосистемы. Граждане все чаще ощущают себя не партнерами государства, а беззащитными жертвами ведущейся в телекоммуникационных сетях необъявленной войны и разгула киберпреступности» [17]. В таких условиях проблемы нормативного нормотворчества растворяются среди множества угроз.

В политическом поле существует некий процесс функционирования публичной политики, подразумевающий возможность приглашения активной части социума к политической дискуссии, при этом на практике латентно подразумевается, что результаты обсуждения никаких правоустанавливающих последствий не будут иметь. И основным фактором конкурентного успеха общественных инициатив с участием представителей власти является репутация участвующих в политических действиях акторов. Без упомянутого ни о какой масштабности и тиражировании общественного участия в нормотворчестве на федеральном, региональном и муниципальном уровне речь не может идти.

Онлайновые дискуссии и форумы не всегда отличают требованиям идеальных коммуникативных стандартов. Обсуждение текстов проектов нормативных актов не всегда приводят к созданию виртуального сетевого сообщества, способного принимать консолидированные решения. Более того, степень участия в том или ином интернет-обсуждении зависит от большого числа социально-экономических переменных. И влияние этого фактора на качество общественных обсуждений не следует недооценивать.

Следующая типология, хотя, в определенном отношении и упрощенная, фиксирует важные различия в качестве и осознанности формирования предпочтений в процессе общественных обсуждений:

- *Спонтанные предпочтения* – такие предпочтения, которые гражданин выражает, опираясь в первую очередь на эмоциональное восприятие проекта нормативного акта. Иногда такое политическое действие описывается как «реактивное». Спонтанные предпочтения – это быстрые, низкоразвитые экстраполяции из общих знаний человека, опирающиеся на базовую систему ценностей личности и его мировоззрение.

- *Предпочтения, обусловленные групповыми рамками* – социальные и профессиональные группы могут играть влиятельную роль в формировании у граждан восприятия государственной политики. Предпочтения в групповой форме основаны на информации о проблеме, предоставляемой группой, в отношении которой индивид ощущает групповую идентичность. Данные предпочтения, скорее всего, будут сформированы, когда проблема рассматривается в контексте разделяемых группой политических предпочтений. В таких условиях индивид получает мало сведений о проблеме из других источников.

- *Информированные предпочтения* – такие предпочтения, которые основаны на осмыслении достаточно полной и точной фактической информации, включая политические аспекты. И здесь уровень «информированности» может варьироваться между гражданами в зависимости от способностей, образования, мотивации и т.д.

В данном информационном ракурсе трудно не согласиться с точкой зрения Д.Л. Цыбакова, отмечающего, что: «Правительства даже развитых государств открыто признают свою недееспособность в отношении наиболее опасных проблем и угроз, возникающих под воздействием процесса глобализации» [18].

По упомянутой причине становятся востребованными элитой ресурсные возможности коллективного интеллекта.

Речь необходимо вести не об административном управлении процессами общественного участия, а о «мягком» использовании так называемых ресурсов политического влияния. В теоретическом отношении ресурсы влияния и политические стратегии некоммерческих организаций

России в межсекторном взаимодействии выявлены усилиями А.Ю. Сунгурова, Л.Т. Шинелевой, Н.Л. Хананашвили, О.В. Андронова [19-22].

Сегодня в Российской Федерации процесс нормотворчества воспринимается как отражение доминирования групп интересов и он, в значительной степени, непрозрачный для общественности. Бюрократически на формальном уровне была закреплена политическая новация, но при этом в стране не произошло политических изменений, потенциал которых заложен в рассматриваемой форме политического действия. При этом даже на неформальном уровне не ставилась задача создать политические разногласия между властью и инициаторами политической новации, но такие барьеры возникли как следствие политической культуры бюрократии в современной России.

В результате подведем итоги. В рассматриваемой сфере в настоящее время отсутствует система сдержек и противовесов, позволяющая влиять на демократические процессы. Существует один центр легитимности результатов общественных обсуждений, все остальные акторы зависят от него, что является следствием отсутствия механизмов обеспечения прозрачности и экспертной обоснованности.

Практики нормотворчества с участием общественности могли бы стать одним из элементов нового «общественного договора» власти и общества, однако в силу множества причин так им и не стали [23]. В ближайшем будущем авторами не выявлено политических детерминант, позволяющих конструктивно изменить ситуацию к лучшему, при этом политический нигилизм в рассматриваемой сфере будет только нарастать.

Отсутствие в России системного подхода к осуществлению права граждан на участие в законотворческой деятельности и общественных обсуждений нормативных актов, на практике превратило рассматриваемый инструмент демократии в фактор политической турбулентности, при которой создается видимость демократического участия, а на практике все оказывается профанацией. Вместо инновационных политических решений общество де/факто получило политический симулякр. Такой институциональный фон, к сожалению, в современной России типичен для достаточно редких политических новаций.

Для исправления положения на законодательном и институциональном уровнях необходимо создать условия, при которых любой российский гражданин, интересующийся конкретной нормотворческой инициативой, может получить аргументированные профессиональные разъяснения, а также разрабатывать предложения, будучи уверенным, что его интеллектуальный вклад может изменить ситуацию.

Наличие в общественном мнении такого настроя может привести к общественной деятельности и других индивидов. Тем самым постепенно и без административного давления будет происходить создание восходящей спирали развития рассматриваемого политического феномена, позволяющего рассматривать нормотворчество как подлинное участие в управлении государством, а также повышения качества среды обитания.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2017 года №813 // Российская газета. 2017. 14.07.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2017 года № 1184 «О порядке разработки и реализации планов мероприятий («дорожных карт») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Российская газета. 2017. 2.10.
3. *Поцелуев С.П.* Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. -Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2010.
4. *Руе L.* Political Communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. – New York: Oxford, 1987. P. 442.
5. *Шварценберг Р.Ж.* Политическая социология. Ч. 1. М., 1992.
6. *Бондаренко С.В.* Трансформация культуры бюрократии в процессе внедрения технологий мобильного электронного управления делами общества (основные направления развития) / Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сб. материалов международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 11-12 марта 2009 г. Вып. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. С. 145-149.
7. *Пряхина Т.М.* Проблемы конституционного прогнозирования // Закон и право. 2004. № 8.

8. *Fullan M.G.* The New Meaning of Educational Change. Third Edition. -New York: Teachers College Press, 2001.
9. *Cavaye A.L.M.* User participation in system development revisited // Information & Management, 1995, № 28. PP. 311-323.
10. Путин объяснил вред от спекуляций на проблеме коррупции // Лента.ру, 2017, 21 июля 2017. Электронный документ: https://lenta.ru/news/2017/07/21/kritikavlasti/
11. *Lin W., Shao B.* The relationship between user participation and system success: a simultaneous contingency approach // Information and Management, 2000, vol. 37, № 6. PP. 283-295.
12. *Giddens A.* Modernity and Self – Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Cambridge: Polity Press, 1991.
13. *Butsch R. (ed).* Media and Public Spheres. -Basington, UK: Palgrave-Macmillan, 2009.
14. *Dahlgren P.* The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation // Political Communication, 2005, vol. 22, № 2. PP. 147-162.
15. *Coglianese C.* Citizen Participation in Rulemaking: Past, Present and Future // Duke Law Journal, 2006, 55, № 943. PP. 943-968.
16. *Халилов Т.А.* Тенденции развития межсекторного взаимодействия в Краснодарском крае // Сборник итоговых материалов III Всероссийского конгресса цыган. -М.: Издатель Шурыгин В.Е., 2009. С. 21-23.
17. *Бондаренко С.В.* Безопасность «электронного государства»: проблема и вариант решения // Защита информации. INSIDE, 2012, № 6. С. 22-30.
18. *Цыбаков Д.Л.* Милитаризация политики и национальная безопасность России. Монография. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2008.
19. *Сунгуров А.Ю.* Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. 1999, №6;
20. *Шинелева Л.Т.* Общественные неправительственные организации и власть. -М., 2002;
21. Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры) / Под ред. Н.Л. Хананашвили. -М., 2000;
22. *Андронов О.В.* Некоммерческие организации как субъект политического взаимодействия государства и гражданского общества в России. / Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Саратов, 2009.
23. *Семенов Г.И.* Право как классификатор идентификационных стратегий россиян // Гуманитарий Юга России 2017. Т. 6. № 2. С. 202–214.

Ryaboshapko Olesya Nikolaevna, the graduated in a military academy on department of philosophy and sociology, the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (128, Yaroslavskogo St., Krasnodar, 350005, Russian Federation).
E-mail: fil_krdu@mvd.ru
Chapurko Tatyana Mikhaelovna, doctor of political sciences, professor, Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (128, Yaroslavskogo St., Krasnodar, 350005, Russian Federation).
E-mail: chapurko@mail.ru

POLITICAL PROCESSES OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN DEVELOPMENT OF STANDARD LEGAL INFORMATION IN MODERN RUSSIA

Abstract

The article examines the issues of having a political process with the participation of Russian citizens in the development of legal information and discusses the prospects for the implementation of such participation in social activities.

Keywords: *political processes, the participation of citizens, rule-making, the legislative policy of the state.*